

13. Нагорнова А.Ю. Формы, методы и технологии работы с семьями алкоголиков // Новые технологии социальной работы в России и за рубежом: коллективная монография. Ответственный редактор А.Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2017. – С. 64-71.
14. Основы устойчивого развития: Учеб. пособие / Под общ. ред. д.э.н., проф. Л.Г. Мельника. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. – 654 с.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ДОМА И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МОРАЛЬНЫХ МОТИВОВ)²⁶

Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Москва, Россия

Резниченко С.И., Хачатурова М.Р., Москва, Россия

Аннотация. Изучалась взаимосвязь двух переменных: дружелюбности домашней среды, которая оценивалась при помощи двух показателей – функциональности и релевантности дома, и моральной мотивации. Выборку составили 550 студентов (25% мужского пола). Использовались опросники Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды и the Moral Motivation Model Scale. Обнаружено реципрокное отношение между дружелюбной домашней средой и моральной мотивацией, причем моральная мотивация влияет на образ дома сильнее. Релевантность образует больше связей, чем функциональность.

Ключевые слова: домашняя среда, функциональность домашней среды, релевантность домашней среды, моральные мотивы, реципрокное отношение.

RECIPROCAL INTERACTION BETWEEN HOME AND ITS INHABITANTS (CASE OF MORAL MOTIVES)

Nartova-Bochaver S.K., Bochaver A.A., Moscow, Russia

Reznichenko S.I., Khachaturova M.R., Moscow, Russia

Abstract. Interrelation between the two variables is investigated, namely, the friendliness of the home environment which is assessed by functionality and relevance of the home environment, and moral motives was investigated. The sample consisted of 550 students (25% males). The questionnaires Functionality of the home environment, Relevance of the home environment, and the Moral Motivation Model Scale were used. The reciprocal relation between a friendly home and moral motives was revealed, with moral motives influencing the home representation more strongly than vice versa. Relevance of the home environment formed more connections than functionality did.

Keywords: home environment, home environment functionality, home environment relevance, moral motive, reciprocal relation.

Проблема взаимодействия внешнего и внутреннего, пронизывающая отечественные исследования на протяжении всего существования российской психологии, как ни странно, не очень часто затрагивается в экопсихологических исследованиях. Дискуссия о детерминации психических явлений, казалось бы, в настоящее время утратила свою остроту, сменившись представлением о циркулярных зависимостях между субъектом и пространством его обитания. Наиболее последовательно эта идея реализована в семейной системной терапии. Однако применительно к предметной среде взаимодействие человека и его бытия последовательно не изучалась. Более того, среда продолжает изучаться чаще как независимая переменная, определяющая индивидуальные особенности личности, в частности, связанные с переживанием благополучия и успешной адаптации [5, 9]. Теоретические представления о том, что среда, точнее, ее образ (возможно, идеальной, желаемой среды) может быть также объектом влияния, практически не верифицировались эмпирическими исследованиями. В исследованиях

²⁶ Исследование было реализовано при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02163

одностороннего влияния среды на личность чаще отмечалась протективная роль домашней среды по отношению к личности обитателям, но нет работ, которые рассматривали бы ее как источник стимуляции, пробуждения высших мотивов и развития позитивных личностных качеств. Возможно, это связано с тем, что работ, посвященных изучению механизмов взаимодействия человека и среды, также очень немного. Среди теоретических оснований нашего исследования мы можем отметить Теорию функционального круга Я.Иксюля, Теорию линз Э.Брунсвика (Theory of lens), Теорию поведенческих остатков (Theory of behavioral residues) С.Гослинга, теорию развития привязанности к месту (Developmental theory of place attachment) П.Моргана [10, 6, 7, 12]. Согласно этим теориям, опыт обживания территории, в том числе и дома, всегда подразумевает сосуществование с другими людьми, в силу чего вырабатываются социальные и моральные правила взаимодействия с ними. Кроме того, дом, как и любая другая среда, оценивается в контексте потребностей субъекта, а значит, должен ему подходить. Основы трехуровневой теории взаимодействия дома и его обитателей представлены и в рамках нашего собственного подхода, согласно которому дом – это не просто объективные жизненные условия; будучи архетипическим образованием, дом одновременно представляет собой составляющую мировоззрения, благодаря которой не только дом как жилье, но также и как метафора, как символ дружественного/недружественного мира, может оказывать влияние на мироотношение в целом и, в свою очередь, быть объектом влияния других интрапсихологических качеств [1, 2, 3, 5].

Что же касается второй изучаемой переменной, то средовая обусловленность высших позитивных качеств личности, в том числе и моральных мотивов, также нечасто становится предметом исследования [4, 8, 13].

Все это стимулировало проведение настоящего исследования, посвященного ответу на вопрос: что определяется чем – моральная мотивация обитателей характеристиками домашней среды или, напротив, образ дома моральными мотивами обитателей? В отсутствие предварительных данных, наше исследование носило эксплораторный характер.

Процедура исследования. Данные собирались в рамках самостоятельной работы студентов; выборка составила 550 человек (25% мужского пола). Исследовательскими инструментами были 3 опросника. Опросник «Функциональность домашней среды» (ФДС) включает в себя четыре субшкалы, измеряющие функции, присутствующие в домашней среде (Развитие, Стабильность, Защищенность и Прагматичность). Опросник «Релевантность домашней среды» (РДС) отражает меру соответствия домашней среды потребностям обитателей и включает в себя семь шкал – Управляемость домашней среды, Эргономичность, Отчужденность, Пластичность, Историчность, Ресурсность и Самопрезентацию. Кроме Отчужденности, все шкалы отражают позитивные характеристики дома. Функциональность и релевантность вместе отражают меру дружественности домашней среды, как это понимают в экологической психологии – широкий репертуар доступных субъекту функций и степень того, насколько они отвечают потребностям субъекта [11].

Модель моральных мотиваций содержит шесть субшкал, отражающих выраженность мотивов, каждый из которых характеризуется модальностью (прескриптивный, побуждающий, или проскриптивный, запрещающий) и объектом (на себя, социальную группу, сообщество в целом). Мотивы имеют следующее содержание: самоограничение (Self-Restraint), Усердие (Self-Reliance, Industriousness, Непричинение вреда (Not-Harming), Помощь / честность (Helping), Социальный порядок/общественная солидарность (Social Order), Социальная справедливость/социальная ответственность (Social Justice) [8]. Для обработки данных использовался корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты исследования. Было обнаружено большое количество (42) хорошо интерпретируемых значимых связей между моральными мотивами и характеристиками домашней среды, причем значительная их часть образована показателями релевантности. Функциональность практически не связана с такими мотивами, как непричинение вреда, социальная справедливость и самоограничение. Любопытно, что наиболее выразительные результаты касались мотивов, направленных на себя: так, мотив усердия образовал наибольшее количество связей, а мотив самоограничения не образовал их вообще. Предварительно можно заключить, что домашняя среда оказывает скорее стимулирующее, чем ограничивающее воздействие. Возможно, это связано и с возрастными особенностями выборки, т.к. в студенческом возрасте продуктивные задачи легче воспринимаются и реализуются по сравнению с задачами на самоограничение и самодисциплину. Таким образом, очевидно, что для моральной мотивации более важной характеристикой дома является не объективный комфорт и функционал, а мера того, насколько этот дом подходит личности обитателя, насколько он персонализирован им.

Регрессионный анализ показал еще более интересные данные. Оказалось, что домашняя среда представляет собой более слабый предиктор моральных мотивов, чем наоборот (11 против 23), причем наиболее сензитивной к воздействию моральной мотивации оказалась релевантность домашней среды, а наиболее сензитивными к воздействию домашней среды – прескриптивные (активирующие) мотивы. Функциональность домашней среды менее важна для морального развития личности, чем релевантность; исключение составила только прагматичность домашней среды, оказавшаяся предиктором усердия. Эти результаты существенно отличаются от данных, касающихся адаптивных свойств личности, таких как психологическое благополучие, испытывающих влияние функциональности. Проскриптивные мотивы оказывают меньшее влияние на восприятие позитивного образа дома, а самоограничение обладает парадоксальным воздействием, приводя к усиленному восприятию дома как чуждого: необходимость ограничивать себя препятствует синтонному мироотношению, возможно, именно в юношеском возрасте.

Заключая, можно отметить, что в целом домашняя среда и моральные мотивы обитателей действительно находятся в реципрокных отношениях – чем более дружествен дом, тем лучше относятся обитатели к самим себе, другим людям и сообществу людей вообще. Верно и обратное: представители юношеского возраста, обладающие выраженными моральными мотивами, воспринимают собственный дом как более дружественное, безопасное, комфортное и в целом подходящее им место. Возвращаясь к давней дискуссии о детерминизме в российской психологии, можно заметить, что наши эмпирические данные свидетельствуют скорее в пользу феноменологического взгляда на взаимодействие человека и мира, представленного в работах С.Л. Рубинштейна, нежели в пользу материалистического понимания, присущего парадигме А.Н.Леонтьева.

Литература

1. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5-15.
2. Быстрова Я.В. Символика строения дома: социокультурный смысл. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Т. 17. № 4. С. 102-111.
3. Нартова-Бочавер С.К. Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009. С. 482–496.
4. Нартова-Бочавер С.К. Ситуация достижения как фактор изменения готовности к помощи. Автореф. дисс...канд. психол. наук. М., 1992.

5. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники психологической мысли, 2016.
6. Brunswik, E. (1956). Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press.
7. Gosling S.D, Ko S.J., Mannarelli T., and Morris M.E. (2002). A Room With a Cue: Personality Judgments Based on Offices and Bedrooms. *J. Pers. Soc. Psychol.* 82(3), 379–398 doi: 10.1037//0022-3514.82.3.379
8. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. (2013). Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities. *Personality and Social Psychology Review.* 17 (3). P. 219–236.
9. Khachaturova, M.R., Nartova-Bochaver, S.K. (2017). The Home Environment as a Resource of Coping Behaviour in Youth. *Psychology. Journal of Higher School of Economics.* 4. In print.
10. Kull, K. (2001). Jakob von Uexkuell: An introduction. *Semiotica.* Vol. 134. 1(4), 1–59.
11. Kytä, M. (2004). The extent of children's independent mobility and the number of actualized affordances as criteria for child-friendly environments. *J. Environ. Psychol.* 24, 179–198. [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(03\)00073-2](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(03)00073-2)
12. Morgan, P. (2010). Towards a developmental theory of place attachment. *Journal of Environmental Psychology.* 30(1), 11–22. doi.org/doi: 10.1016/j.jenvp.2009.07.001
13. Nartova-Bochaver S., Kuznetsova V. (2017). Friendly Home and Inhabitants' Morality Mutual Relationships. *Frontiers in Psychology.* 2017. Under review.

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ ПОТЕРИ РАБОТЫ В РАМКАХ КОНТЕКСТУАЛИЗМА И ТЕОРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Нестерова А.А., Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования жизнеспособности человека в ситуации потери работы. Выяснено, что жизнеспособность безработных определяется условиями ее детерминации на социетальном, микросоциальном и личностном уровнях. Доказана возможность изучения феномена жизнеспособности в рамках социоэкологического подхода, теории экологических систем и контекстуализма.

Ключевые слова: жизнеспособность, теория экологических систем, контекстуализм, социетальный уровень, микросоциальный уровень, личностный уровень.

STUDY OF THE PERSONAL RESILIENCE IN THE SITUATION OF UNEMPLOYMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF CONTEXTUALISM AND ECOLOGICAL SYSTEMS THEORY

Nesterova A.A., Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of the resilience of a person in a situation of unemployment. It was found out that the resilience of the unemployed is determined by the conditions of its determination at the societal, microsocial and personal levels. The possibility of studying the resilience within the framework of the socioecological approach, the ecological systems theory and contextualism is proved.

Keywords: resilience, ecological systems theory, contextualism, societal level, microsocial level, personal level.

Жизнеспособность человека, социальных групп, проблема устойчивости различных социальных систем изучаются в рамках различных подходов. Одним из обоснованных и разработанных в науке концептуальных подходов к жизнеспособности является экологический подход, который особо широко распространен в зарубежной и отечественной психологии [1; 2; 3; 5; 6]. Сегодня в научном мире широко известен *экологический реализм*, который изучает формы поведения человека в совокупности с